

Илья Маршак

*Дай, Боже, мне любви,
Чтобы на всех хватило.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чем только ни был увлечен:
В далеком детстве – акробат,
Потом попробовал стихи кропать,
Но бросил – руки заняты мячом
И голова – теперь уж тренер,
И хобби старому он верен –
Распас предпочтитал игре
Будь то на пляже иль в тайге.
Потом сменился жизни вектор,
И стал футбольный он директор,
Страстям своим не изменяя –
Распас игре предпочитая.
Пришла пора – освободилось время.
Забылся как-то двойной шаг,
Тяжелое директорское бремя,
И вспомнил он, что он Маршак.
Оправдывая фамилию,
Вспомнил заветы Эмиля он.
От рифм теперь нету спасу.
Хотя предпочтенье отдает распасу.

*О других увлечениях
Читайте в его стихотворениях.*

МАМЕ

Сутки вдребезги крошатся,
Час как сутки тянется.
А мне сильно хочется
К маме и племяннице.

А мне жизнь повидавшему,
Ставшему грубым чуть-чуть,
Хочется к брату старшему –
В бабушкин милый уют.

Ночь, как шторы, распахну.
Утро встанет усталое.
Мама, смахни слезу –
Ждать так мало осталось.

Месяц годами тянется.
Месяц – скала огромная.
А мне ночами кажется,
Что возле дома я.

А мне жизнь повидавшему,
Ставшему старше, чем есть,
Сняться глаза запавшие
Мамы, начавшей стареть.

Ночь, как шторы, распахну.
Утро встанет усталое.
Мама, смахни слезу –
Ждать так мало осталось.

Мне жаловаться не пристало
На свое житье-бытье.
Капитал Капиталович Капиталов –
Вот полное имя мое.

Мне Бог послал такую маму –
Блистательный, сверкающий кристалл.
Тогда я стал богатый самый
И получил свой первый капитал.

Жена, дочурка, внучек –
Их тоже мне Бог послал.
Не от авансов и получек
Я свой удвоил капитал.

Друзья, подруги и братишка –
Я с ними по жизни шагал,
И некрасивенькая сберкнижка
Утроила мой капитал.

ГАЙСИНСКОМУ

Он был по духу мне близкий.
Он мыслил, как мудрый Сократ.
Эдуард Исаакович Гайсинский,
Двоюродный любимый брат.

ПРОЩАНИЕ С ДРУЗЬЯМИ

Вот и обрел покой я.
Не прячьте заплаканных глаз.
Вы выпейте за меня стоя,
Как будто бы я среди вас.

Я жизнь провел не в угаре.
Я плыл по течению, я мог утонуть.
Собрались вы в Юрином баре,
Собрались меня помянуть.

Он был неплохим поэтом,
Ну, сделайте мне реверанс.
Он выпить любил и при этом
Любил поиграть в преферанс.

Прощайте, друзья и подружки.
Печальную песню поем.
Читает Сережа Галушкин
Последнее слово мое.

Я голосую за прогресс,
Я новаторства не боюсь.
Ну, зачем нам туда в ЕС?
Давайте обратно в Союз.

Я против ГБ и ЧК.
Там трудно оставаться живым.
Я за «Подвиг разведчика»
С Павлом Кадочниковым.

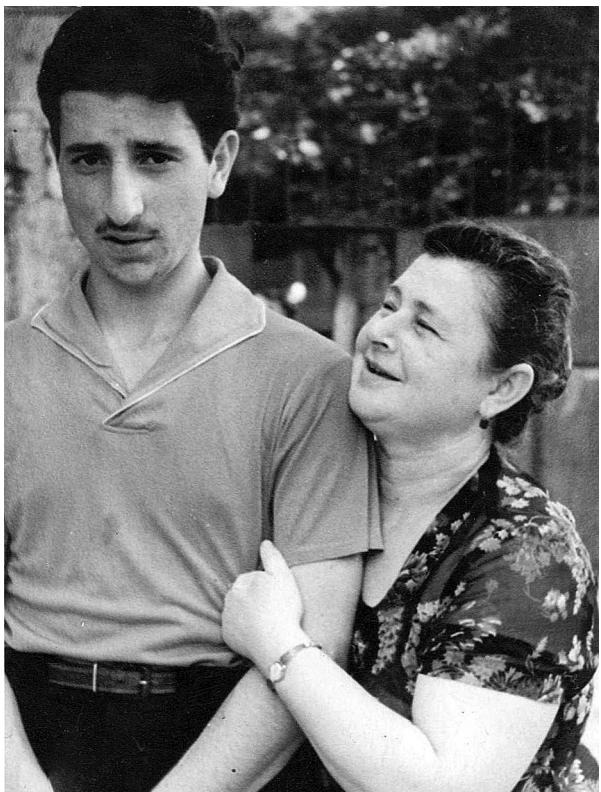
Я против КПСС
Во всех ее ипостасях.
Я за разумный прогресс,
Где мир царит и согласье.

Я заснул на своем диване.
И мне приснилась мама
В каком-то легком сарафане,
В руках у мамы телеграмма.

И я во сне, как наяву,
Читаю текст мудреный:
«Я только ради вас живу
Уже по Божьему закону».

Боясь во сне пошевелиться,
Читаю далее упрямо:
«Сынок, тебе все это снится.
Люблю вас всех. Целую. Мама».

Я чувствую – схожу с ума,
Купаясь в сладостном обмане,
И шепотом кричу я : «Мама! Ма!»
И просыпаюсь на диване.

Я как-то врубился по пьянке –
Не братья Россия и Украина.
Они две сестры-лесбиянки.
Им не нужен народ-мужчина.

МОЙ ДВОР

Еще росой покрыты
Скамейки и кусты.
И окна, как софиты,
Зажглись из темноты.

Встает рассвет украдкой,
Деревья чуть видны.
И детские площадки
Собакам отданы.

Собаки без намордников
Игровы и сильны.
И заметают дворники
Несбывшиеся сны.

ГОД И ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ДНЕЙ

В шестьдесят восемь меня не забыли.
Желают, чтоб я был здоров.
Жаль только годы проплыли
Со скоростью облаков.

Не стирает память прошлое.
Вылезит наружу зло.
Жаль, что вылезит пошлое,
Богом проклятое СИЗО.

И будучи на пенсии,
Все снится мне пол-цемент,
Стены, покрытые плесенью,
И криминальный контингент.

Я все не могу отогреться
Уже восемнадцать лет.
Так и остался у сердца
Один недопетый куплет.

НОЧНОЙ ЗАПЛЫВ

Аж до середины Буга
Я на веслах гребу.
Я сегодня испытую
И себя, и судьбу.

Прямо с лодки я ныряю
И назад плыву.
В небе знаки Зодиака
Предо мною наяву.

Я руками разгоняю
Звездный хоровод.
Мне казаться начинает –
Берег на меня плывет.

Руки, ноги онемели –
Я в плену у сна.
Вдруг нога моя коснулась
Илистого дна.

Я на берег выбрался,
Рухнул на песок.
Сердце радостно стучало:
«Смог! Смог! Смог!»

Я проснулся среди ночи.
Небо чуть бледней.
Мне из бездны улыбался
Знак мой – Водолей.

РОВЕСНИЦА

В моем подъезде под лестницей
Зимует сука-бедняжка.
По возрасту ровесница,
По статусу – дворняжка.

Нас жизнь постоянно жмет
Все в поисках какой-то снеди.
Мне государство подает,
Ей подают соседи.

Прожитый день мы с нею празднуем.
Все в этом мире знаково.
По жизни шли по-разному,
А старость одинакова.

РОДИНА

Плынут стайкою утят –
Маленькие хвостики.
Удят рыбку ребята
На причале-мостике.

Мужички колхозные –
Кепки набекрень.
Как жуки навозные,
В поле целый день.

Покосившиеся хатки
Спят без задних ног.
Здесь играли в прятки,
Зарываясь в стог.

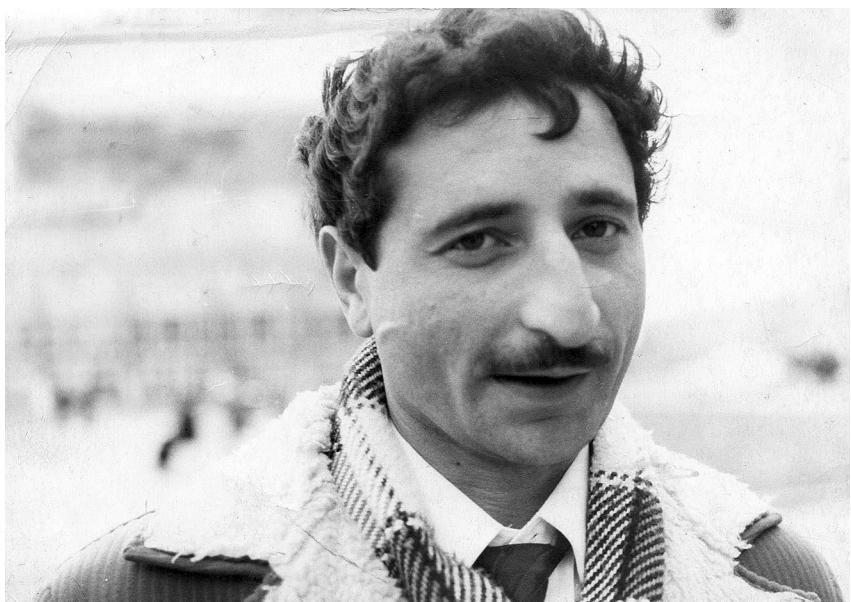
А за огородами
Яблоневый сад –
Ветки плодородные
До земли висят.

Вот пейзаж нехитрый
Родины моей.
Нет такой палитры,
Чтоб сравниться с ней.

Обниму тебя рекой,
Ветерком взлохмачу.
Без тебя всегда с тобою
Веселюсь и плачу.

Давным-давно все это было.
Кипела кровь, и нерв звенел.
В стихах была такая сила –
Я не читал их, я их пел.

Остался едкий запах гари
Водой потушенных костров.
И стал я старый, как гербарий,
Забытый в томике стихов.

Листаю томик Голубковой,
Подаренный Гавриловым Сережей.
Читаю, как словарь толковый,
Который рифмами изложен.

Я понимаю – мне затрецина.
Да у меня таких в помине нет
Стихов, что написала женщина.
Та женщина, которая поэт.

Я так благодарен судьбе
И пионерии и комсомолу
За десятый А, за десятый Б,
За седьмую родную школу.

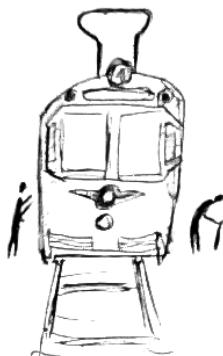
Я благодарен друзьям,
По жизни со мною прошедшим.
Я искренне благодарен вам –
Живым и, к сожалению, ушедшим.

На Плехановской стоит трамвайчик,
И я стою еврейский мальчик.
На старой фотографии измятой
На обороте год сорок девятый.

Трамвай, трамвайчик - поезд детский
Он был мне очень мил и люб,
Меня от улицы Советской
В далекий увозил яхт-клуб.

Катил по Декабристов до вокзала
И дальше, дальше позвенел.
С тех пор с ним ничего не стало,
Вот только мальчик постарел.

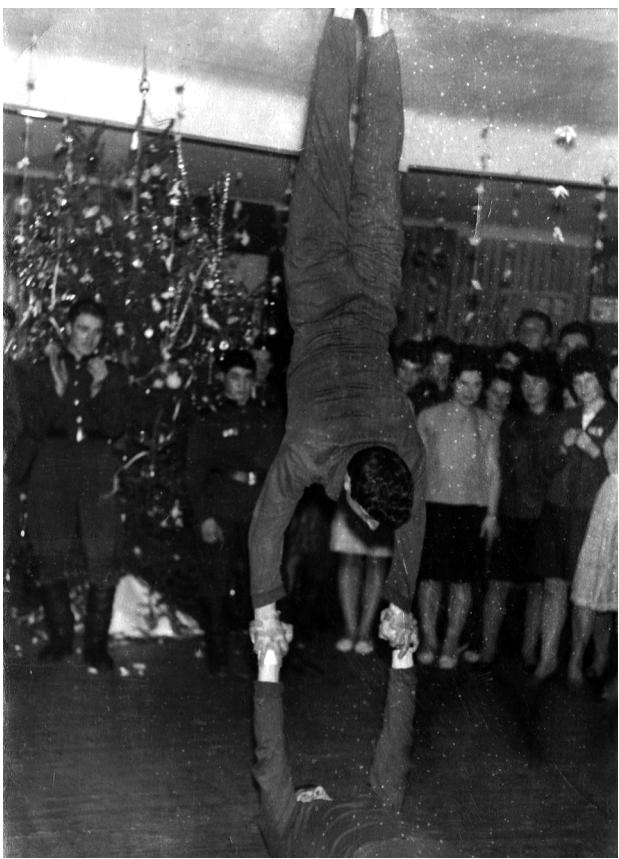

Шальная удаль мне знакома -
Когда чуть пересилив страх,
На крыше углового дома
Я делал стойку на руках.

Толпа внизу, конечно, рада,
Красивый трюк пришелся всем,
И за безумство мне – награда,
«Столичная» за три ноль семь.

Весь вечер я гудел в фаворе,
Еще бы... отличился так,
И лишь один мне в пьяном разговоре
Сказал: «Да ты, Маршак, дурак!».

Чтобы скрыть свои увечья,
Накачал себе предплечья.
Убрал живот, усилил пресс,
На килограммы сбросил вес.

Галушкин сделал мне прическу,
И я надел костюм в полоску.
Я в зеркало смотрю и плачу
Из ничего я превратился в мачо.

Ну, а когда приходит вдохновенье,
Я, как себя, леплю стихотворенья.

Не пожелаю зла
Ни недругу, ни другу.
Пусть лучше сам сгорю дотла
От злобного недуга.

Всевышний, дай мне сил
Свою истратить доброту
На тех, кто даже мне не мил -
И я за честь почту.

Готов поклясться на крови,
Пока кровь в жилах не остыла.
Дай, Боже, мне любви,
Чтобы на всех хватило.

Будущее оказалось рядом,
Не то, чтобы рукой подать,
Пока, что касаясь взглядом,
А сколько осталось... как знать?

Жизнь пролетела просто,
Как будто немое кино.
И место, что станет погостом,
Мною припасено.

Я обольщаться не склонен,
Пускай подождет земля,
Ведь там уже похоронен
Мой папа... моложе, чем я.

ОТВЕТ ОМАРУ ХАЙЯМУ

Среди могил крестов и постаментов
Твоя могилка лишь одна.
Кутилам всем на сотни километров,
Как зорька ясная видна.

Я подниму стакан простой горилки,
За упокой души своей,
Чтоб была не одна, а две могилки,
Чтоб запах шел еще сильней.

Все ближе и ближе ложатся снаряды.
Над головой пролетает шрапнель.
Болячки и годы-гады
Вызывают меня на дуэль.

Мне уклоняться уже не нужно.
Все равно, хоть крутъ, хоть верть.
Не мне выбирать оружие.
Его выбирает смерть.

Могу не есть, но не могу не пить.
Еще с времен «биомицина»
Была бессильна медицина.
Вино мне помогало жить.

Дорог немало, но на перекрестке вех
Спиртное на плаву держало.
В нем был позор, в нем был успех,
В нем было истины начало.

Могу не есть, и пить мне не по силам.
Уже не кровь, вино бежит по жилам.
Недуг расцвел прекрасным садом –
Спиртного больше мне не надо.

ДРУГУ Н.Б. РОТАРЕВУ

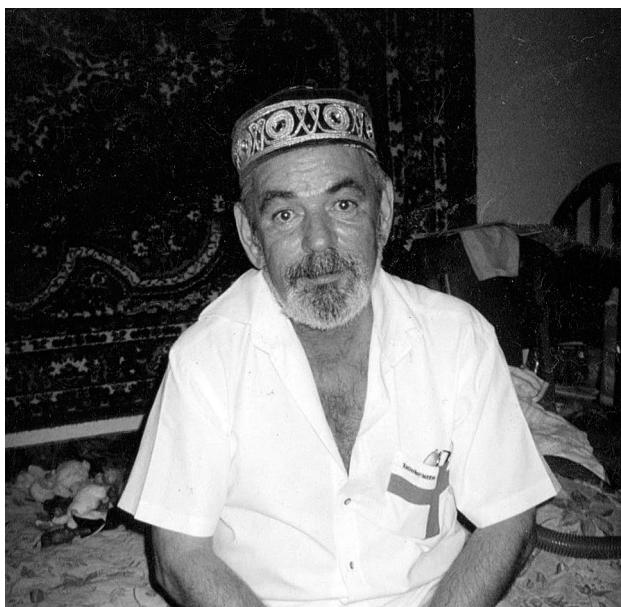
Настала грустная пора –
Восьмой десяток подошел.
Не позовет нас детвора
На улицу – играть в футбол.

Уже не слепим снежной бабы,
Не пробежимся на коньках.
Зима вообще исчезла как бы.
Она осталась на висках.

Уже не наши все подвалы
И крыши все не наши.
Остались в памяти провалы,
И стали мы не краше.

Зато мы воспитали дочек
И внуков тоже воспитали...
В конце поставим много точек –
Мы жизнь еще не исчерпали.

Расскажет вам сотни историй
Случившихся даже с кем-либо.
И столько в них аллегорий...
О вещий Олегович Скиба.

Перекопал историю лопатой.
А в прозе, как в стихах Пьера
Мы назовем его, ребята,
Гаврилов – легкое перо.

В литературе плавает, как рыба.
Любви пирог слоями густ.
Что ни возьми – во всем он глыба –
Сергей Галушкин- златоуст.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
МАМЕ	4
Мне жаловаться не пристало ...	6
ГАЙСИНСКОМУ.	7
ПРОЩАНИЕ С ДРУЗЬЯМИ.	8
Я голосую за прогресс, ...	9
Я заснул на своем диване...	10
Я как-то врубился по пьянке —...	12
МОЙ ДВОР	13
ГОД И ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ДНЕЙ	14
НОЧНОЙ ЗАПЛЫВ	15
РОВЕСНИЦА	16
РОДИНА	17
Давным-давно все это было....	18
Листаю томик Голубковой, ...	20
Я так благодарен судьбе...	21
На Плехановской стоит трамвайчик, ...	22
Шальная удаль мне знакома - ...	24
Чтобы скрыть своиувечья, ...	26
Не пожелаю зла ...	28
Будущее оказалось рядом, ...	29
ОТВЕТ ОМАРУ ХАЙЯМУ	30
Все ближе и ближе ложатся снаряды....	32
Могу не есть, но не могу не пить. ...	33
ДРУГУ Н.Б. РОТАРЕВУ	34
Расскажет вам сотни историй ...	35
Перекопал историю лопатой. ...	36
В литературе плавает, как рыба. ...	37

